

ИЗОБРЕТЕНИЕ ВЕКА

ПРОБЛЕМЫ И МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ
В РОССИИ И ЕВРОПЕ XIX СТОЛЕТИЯ

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2013

«ДОЛГИЙ XVIII ВЕК»: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВНЕ КАЛЕНДАРНОЙ ХРОНОЛОГИИ И ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПТА К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Что означает отметка 1800 на временной шкале двух соседствующих веков? Именно этот год служит историкам, как правило, в качестве окончания периода «раннего Нового времени». 1800 — это и финальный год XVIII столетия, если следовать календарной логике организации времени. Обязывающий характер некоего единого календарного порядка, регулирующего современность, подчиняющего себе прошлое и способного прогнозировать время будущего, предстает в 1800 году, однако, как явление относительно молодое и небезальтернативное.

Вплоть до середины XVIII века европейское пространство организует свое время как минимум по двум календарным системам: юлианскому календарю Римской империи и григорианскому календарю, принятому католическим миром на исходе XVI века. В тот момент, когда в 1700 году в Российском государстве начало календарного года фиксируется новой официальной датой 1 января, в североевропейских странах ведется интенсивная подготовка календарной реформы. Ее цели — создание общего календарного пространства, независимого от конфессиональных различий, и государственная организация *времени*, зримо выраженная в монополии на производство печатных календарей. Реализация этой реформы происходит постепенно: весной 1700 года единый григорианский календарь вводится на территории немецких государств, а через пятьдесят лет его принимают в Англии и в скандинавских странах. В России двойное времяисчисление ведется, как известно, вплоть до 1918 года — здесь мы уже оказываемся в пограничной зоне XIX и XX веков.

На фоне такой «подвижности» календарных порядков европейской истории в целом и российской в частности власть абстрактных

цифр утрачивает свою очевидность, а календарные границы исторического времени оказываются скорее спорным моментом, чем единственным правомерным инструментарием.

Среди альтернативных периодизаций исторического времени вне одного столетия центральное место занимает концепция «долгого XIX века». Ей следует формация «короткого XX века». В качестве другого «контрпроекта» все чаще выступает концепция «долгого XVIII века», причем определение хронологических границ этого финального отрезка раннего Нового времени предпринимается по модели и в конкуренции с идеей «долгого XIX века».

1. Представление о «долгом веке» подразумевает периодизацию исторического времени вне календарных границ одного столетия. Такая концепция проблематизирует эпохальный характер некоего отрезка времени, зафиксированного только формальным образом. Она изначально отличается критическим характером, ее применение связано с проверкой устоявшихся категорий и принципов обобщения больших хронологических единиц прошлого.

Правомерность статических, закрытых моделей знания была заново поставлена под вопрос благодаря сдвигам в гуманитарных науках второй половины XX века. Осознание контингентности социальных процессов в очередной раз заострило внимание исследователей на динамике исторических процессов в целом и подвижности эпохальных границ в частности. Значительный импульс в процессе пересмотра ключевых временных категорий, принятых в исторических дисциплинах, задали монументальные исследования британского историка Эрика Хобсбаума, последовательно применившего альтернативную периодизацию европейской истории Нового времени. Именно с его работами связан успех таких новых концепций исторического времени, как «долгий XIX век», внешние границы которого определяют 1776 и 1914 годы¹,

¹ *Hobsbawm E. The Age of Revolution: Europe, 1789–1848. L., 1962* (рус. пер.: *Хобсбаум Э. Век революции: 1789–1848. Ростов-н/Д, 1999*); *Hobsbawm E. The Age of Capital: 1848–1875. L., 1975* (рус. пер.: *Хобсбаум Э. Век капитала: 1848–1875. Ростов-н/Д, 1999*); *Hobsbawm E. The Age of Empire: 1875–1914. L., 1987* (корректировка начальной даты «долгого XIX века»: 1776–1914; рус. пер.: *Хобсбаум Э. Век империи: 1875–1914. Ростов-н/Д, 1999*); *Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. L., 1994* (рус. пер.: *Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004*). Ср. применение концепции «долгого XIX века» по отношению к немецкой истории в европейском контексте: *Kocka J. Das lange 19. Jahrhundert. Arbeit, Nation und bürgerliche Gesellschaft. 10. Aufl. Stuttgart, 2002* (Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte; Bd. 13).

и «короткий XX век», охватывающий промежуток времени между 1914 и 1991 годами².

Понятие «долгий XVIII век» также впервые было введено в англоязычных исследованиях. Оно было предложено Джонатаном Кларком для анализа процессов британской истории XVII–XIX веков. При этом аргументы Кларка были направлены против укороченной хронологии XVIII столетия, традиционно ограниченной событиями 1715 года, связанными с мятежом якобитов в Англии, и Французской революцией 1789 года и ее последствиями для всего европейского пространства³. Сформулированное в открытой полемике с прочтением исторических событий Хобсбаума и его последователей, представление Кларка о «долгом XVIII веке» обращает внимание на роль традиционных институтов власти и их представителей в процессе социальных преобразований в Великобритании. Таким образом, не изломы и революции стоят в центре внимания его исследований, а монархия, аристократия, церковь и их охранительные функции в процессе модернизации.

Концепция «долгого XVIII века», возникшая в 1980-е годы на фоне идеологических споров британских историков, получила новое развитие в начале XXI века в связи с распространением транснациональной перспективы на историю в целом. Расширение хронологических границ XVIII века все чаще находит применение в исследованиях европейских историков и литературоведов. Эвристическую ценность концепции «долгого XVIII века» подтверждают многочисленные публикации, как правило, выносящие это понятие на титульный лист, и научные конференции, цели и программы которых формулируются в фокусе расширенной хронологии века⁴. Кроме того, концепция

² См. статью Николауса Катцера в настоящем сборнике.

³ Clark J.C.D. *English Society, 1688–1832. Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime*. Cambridge, 1985. Во втором издании исследования, опубликованном в 2000 г., была предпринята корректировка начальной даты «долгого века»: 1660. Подробнее о контексте введения понятия *the long 18th century* см.: Clark J.C.D. *English Society, 1660–1832. Religion, Ideology and Politics During the Ancien Regime*. 2nd ed. Cambridge, 2000. С. x.

⁴ O’Gorman F. *The Long Eighteenth Century: British Political and Social History, 1688–1832*. L., 1997. (Arnold History of Britain); Baines P. *The Long 18th Century*. L., 2004; Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century. *Essays in Honour of Anthony G. Cross* / Ed. R.P. Bartlett. Münster, 2004; *Zeitkonzepte: zur Pluralisierung des Zeitdiskurses im langen 18. Jahrhundert // Das 18. Jahrhundert*. Jg. 30. Heft 1. 2006; Loretelli R., O’Gorman F. *Britain and Italy in the Long Eighteenth Century: Literary and Art Theories*. Newcastle, 2010; *Cultural Transfers: France and Britain in the Long Eighteenth Century* / Ed. A. Thomson. Oxford, 2010.

«долгого XVIII века» постепенно институализируется в рамках университетского образования⁵.

На этом фоне с особой четкостью выделяются следующие черты нового подхода к хронологии XVIII века: общеевропейский характер и, шире, глобальная перспектива, междисциплинарность, рефлексия опыта инновативных научных тенденций, таких как имперская и постколониальная история, история медий, гендерных конструкций и, главное, плюралистическое представление о многообразии жизненных миров изучаемого отрезка времени. Важно при этом отметить, что конкретные временные границы остаются подвижными и определяются по отношению к предмету изучения и постановке вопроса того или иного исследования.

2. Продуктивность использования концептуальной рамки «долгого XVIII века» по отношению к российской истории становится наглядной в прямом противопоставлении с понятием «долгого XIX века». Под последним подразумевается историческая эпоха, ограниченная, с одной стороны, политическим переломом Французской революции, а с другой — Первой мировой войной и отмеченная, в эпистемологическом смысле, утверждением предпосылок классического модерна. «Долгий XIX век» олицетворяет буржуазное общество, национальную государственность, индустриальные производственные отношения, автономию искусств, техническую и интеллектуальную рационализацию, инновационное и прогрессистское мышление и так далее⁶.

«Долгий XVIII век» охватывает, напротив, все те разнообразные процессы, которые позволяли проектировать и развивать, а равно подвергать обсуждению, отбрасывать или проводить в жизнь

⁵ Так, например, с 2007 г. в Кентском университете существует Центр исследований долгого XVIII века (*Centre for Studies in the Long Eighteenth Century*) (см.: <<http://www.kent.ac.uk/english/research/centres/18th.html>>). А в Ливерпульском университете можно получить звание магистра по специальности «Миры XVIII века» (*Eighteenth-Century Worlds*): «Изучая культурную, политическую и социальную историю долгого XVIII века (1660–1832), студенты углубляют свои научные знания об эволюции Европы, а также о том, как Азия, обе Америки и Африка были вовлечены в связи с Европой через торговлю, географические открытия и строительство империй. Как основной модуль, так и модули по выбору акцентируют внимание на физических и интеллектуальных связях между разнообразными “мирами” XVIII столетия» (<www.liv.ac.uk/18cworlds/index.htm> [5.03.2013]).

⁶ См. Bayly Ch. A. *The Birth of the Modern World, 1780-1914: Global Connections and Comparisons*. Oxford, 2004; Osterhammel, J. *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München, 2009.

дискурсивные фигуры и модели собственно «нового», которое позднее было осмыслено как «современность» и «модерность». Не теряя из виду идею последовательности исторического развития, концептуальное «удлинение» эпохи «старого порядка» позволяет заострить внимание на роли традиционалистских движущих сил в «грядущем триумфе модерна». Не случайно именно интеллектуалы «долгого XVIII века» — эксперты в спорах «старых» и «новых».

Принимая во внимание парадоксальный характер основ и целей феномена модернизации в целом, концепция этого «долгого» периода предлагает ревизию устоявшихся правил и норм, находящихся в процессе трансформации⁷. Внимание к взаимовлиянию консервативных и прогрессивных тенденций, к особенностям их противостояния или консолидации в этом процессе является актуальным как для изучения преобразований внутри Российской империи, так и для исследовательского взгляда на нее как на актора европейского культурного пространства.

К характерным определяющим чертам «долгого XVIII века» относится, таким образом, его примечательное свойство быть «лабораторией», где в основных принципах разрабатываются модели, ставшие обязательными в будущем. В этом контексте предлагаемая попытка определения «долгого XVIII века» российской истории должна подчеркнуть динамические, разнонаправленные и отчасти парадоксальные процессы развития, характерные для данного периода. В качестве необходимого условия наблюдения выступает общеевропейская перспектива, побуждающая к глобальному взгляду на феномены, события и действующих лиц.

Исходя из истории России в общеевропейском контексте, внешние хронологические полюса динамического силового поля «долгого XVIII века» могут быть определены 1682 и 1815 годами.

Нижнюю границу, 1682 год, отмечают восшествие на престол Петра Алексеевича и разразившийся незадолго до этого в Москве первый стрельцкий бунт. Конец эпохи обозначает 1815 год — завершение

⁷ В систематическом плане парадоксы модернизации и их характеристика рассмотрены в работе Ханса ван дер Лоо и Вилема ван Рейена: *Van der Loo H., van Reijen W. Modernisierung. Projekt und Paradox. München, 1997* (нидерландский оригинал: *Eidem. Paradoxen van modernisering. Een sociaal-wetenschappelijke benadering. Muiderbeg, 1990*). Противостоянию традиционных сил в общественных, экономических и политических структурах во второй половине XIX века посвящена книга Арно Майера, написанная в том числе на материале Российской империи: *Mayer A.J. The Persistence of the Old Regime. Europe to the Great War. N.Y., 1981.*

наполеоновских войн после фиаско французской армии в России и триумфального вступления в Париж русских войск и их союзников по коалиции. С указанными событийными границами связаны имена российских правителей, царствование которых, во-первых, носит выраженный характер рубежа или разрыва с прошлым и, во-вторых, демонстрирует длительное воздействие внутривнутриполитических событий в России на общеевропейское политическое окружение.

В так называемую петровскую эпоху происходит бескомпромиссное реформирование страны, наметившееся в последней трети XVII века. Наряду с мерами социально-политической и культурной модернизации, обозначенными позднейшими историографами как процесс «европеизации» России, реализуется миграционная политика, оказавшая внутривнутриполитическое воздействие на устоявшийся уклад социальных элит, и осуществляется территориальное расширение страны, в том числе на запад. Переустройство политической карты Европы и взаимовлияния европейских держав произошло и в результате падения империи Наполеона в ходе войны 1812–1814 годов. «Освобождение» Европы, осуществленное под предводительством русского императора Александра I, знаменовало эпоху Реставрации, которую историки XIX века, такие как Леопольд фон Ранке или Шарль Сеньобос, принимали за начало нового века⁸.

Если отойти от временных установок, ориентированных на периоды царствований, политические и военные события, то 1682 и 1815 годы оказываются примечательными и в культурно-историческом контексте, фиксируя исследовательский взгляд на развитии таких понятий как «субъект» и «нация», «автор» и «публика», «природа» и «искусство». Первая дата отсылает нас к последнему произведению Симеона Полоцкого, монументальной книге стихов «Вертоград многоцветный». Парадная рукопись этой поэтической энциклопедии, выполненной поэтом-монахом в последние годы жизни, была поднесена в 1682 году его бывшему ученику, царю Федору Алексеевичу, уже после смерти автора⁹. Переместившись в начале XVIII века из Москвы

⁸ Подробно семантика «нового» века рассмотрена в статьях Дениса Сдвижкова и Вадима Парсамова в настоящем сборнике.

⁹ «Вертоград многоцветный» представлен в автографе и двух писцовых рукописях. Авторская рукопись хранится в Москве (ГИМ. Син. № 659), а парадная писцовая рукопись, поднесенная царю Федору Алексеевичу, — в Санкт-Петербурге (БАН. Рукописное собрание Петра I. П I А 54). Ср. комментированное издание: Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный: В 3 т. / Сост. и коммент. А. Хипписли, Л.И. Сазонова. Кёльн; Веймар, 1996–2000.

в Санкт-Петербург в составе Кремлевской царской библиотеки, «Вертоград» Симеона Полоцкого положил начало собранию русских книг Академии наук, одному из центральных просветительских проектов Петра I. А в середине XVIII века книга, как известно, оказалась в круге чтения Василия Кирилловича Тредиаковского¹⁰.

Вторая пограничная дата долгого XVIII века связана с началом литературной карьеры Александра Сергеевича Пушкина: 8 января 1815 года состоялась декламация стихотворения «Воспоминания в Царском Селе». Личное присутствие литературного патриарха «старого поколения» Гавриила Романовича Державина на публичном экзамене Лицея и последующая публикация текста в журнале «Российский музей, или Журнал европейских новостей»¹¹ — факторы, которые стояли в начале канонизации этого события в культурной истории России.

Сравнительный взгляд на произведения двух выдающихся деятелей русской литературной истории как на события, отмечающие рубежи «долгого XVIII века», выявляет ряд изменений, которые указывают русской литературе путь в эпоху модерна. «Автор» из поэта-ученого, монаха из придворного окружения превращается в профессионального литератора, существование которого зависит от общественного мнения и, в финансовом отношении, от книжной торговли. С другой стороны, меняется форма существования и коммуникации «текста»: от эксклюзивного типа рукописной книги, предназначенной для царской семьи, к публикации в печатной периодике, потенциально доступной анонимному кругу читателей, публике в современном смысле слова.

«Долгий XVIII век» в качестве аналитической рамки охватывает время кардинальных изменений представления о природе и, как следствие, пересмотра взаимоотношений «природы» и «культуры» в целом. Именно постепенная переоценка активной роли человека повлекла за собой не только новую философскую постановку вопроса о «субъекте» — она содействовала и совершенствованию аграрной практики и теории и значительно повлияла на промышленное преобразование окружающей среды.

Культурно-исторические смещения, происходившие в этот период, объединяют развитие таких новых областей знания, как эстетика и экономические науки, с политикой и моралью в рамках дискурса о садах. Это и развивающаяся с конца XVII века идея нравственного культивирования в непрерывном движении к лучшему, для которой

¹⁰ Тредиаковский [В.К.] Соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 775.

¹¹ См.: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 9–13 (коммент. на с. 554).

сад являет собой образец, и культурно-политическая программа обновления России, облеченная в риторику возврата к европейской общности и следующая логике «прорыва» и единения.

Другая составляющая дискурса о садах нацелена на осуществление эстетического требования автономии, понимаемой как возврат к естественным корням. В начале XIX века, однако, именно это требование ставит под сомнение сам культурно-моделирующий характер садово-паркового искусства вообще. Как на эстетическом, так и на социальном уровне требование изобретения «национального» сопровождается риторикой и идеологией размежевания и ограничиваения. Оба литературных произведения, занявшие ключевые позиции на границах «долгого XVIII века», не случайно отсылают к идее сада: он становится одним из центральных символов XVIII века, его дискурсивные практики находят при этом реальное воплощение в пространстве царских резиденций, усадеб и городов¹².

Предложенные выше хронологические и событийные отметки на шкале «нашего долгого XVIII века» касаются в первую очередь таких областей, как политика, литература и эстетика, включая как индивидуальные, авторские, так и технические, медийные аспекты художественного производства. Проверить и продлить этот аргументативный ряд следует по отношению к экономике, институтам власти и социальному устройству в целом; помимо этого следует обратить особое внимание на повседневные практики, чтобы охватить более широко социальные формации этого времени.

Концептуализация «долгого XVIII века» предполагает не столько когерентность или телеологию эпохи — она сфокусирована в первую очередь на динамике развития. В этой связи следует выделить три решающих момента.

Во-первых, хронологически расширенное XVIII столетие поддерживает тезис о множестве «начал модерна». Ибо «долгий XVIII век» охватывает как «прогрессивные», так и «консервативные» сценарии, которые разрабатывались на протяжении этого периода и успешно реализовались в различных формах в последующие эпохи¹³.

¹² Такая концептуализация изучаемого периода была, в частности, предпринята автором в рамках монографии: *Ananieva A. Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts.* Bielefeld, 2010.

¹³ Примером плодотворного пересмотра взаимоотношений сакральности, церкви и просвещенческой эстетики в России XVIII века является исследование Ильи Путьятина в области истории архитектуры: *Путьятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения.* М., 2009.

Во-вторых, применение этого обозначения исследуемой эпохи изначально восстанавливает критическую дистанцию по отношению к таким расхожим понятиям, как *эпоха Разума, Просвещение, Aufklärung, Enlightenment, барокко, рококо, сентиментализм, Empfindsamkeit, классицизм, Klassik, романтизм* и так далее. Расширенное понимание века позволяет не только отчетливо обозначить проблематизирующий подход к определению и анализу стилей, идеологий и течений, характерных для этого отрезка времени. Оно предоставляет и прагматическое решение проблемы понятийного аппарата для работ, исследующих межкультурные взаимодействия и использующих междисциплинарный подход¹⁴.

В-третьих, понятие «долгий XVIII век» позволяет опробовать возможную альтернативную систему координат для маркировки динамического поля возникновения нового. Это дает возможность не только подвергнуть проверке общеупотребительные определения и границы, но и уточнить характеристику исторических феноменов — их дублирование, асинхронность одновременного или гетерогенность вместо гомогенных, задающих ценность описаний.

3. Хронологические границы «долгого XVIII века» оказываются больше чем на десятилетие в веке предыдущем и веке последующем. В прямом сравнении с концепциями XIX века (как календарного, так и «долгого») особое внимание привлекает к себе рубеж двух веков. Этот «нахлест» покрывает период времени примерно с 1770–1780-х по 1810–1820-е годы, и здесь, по моему убеждению, следует не отвоевывать рубежи в подтверждение одной или другой концепции, а по возможности полно использовать поливалентный потенциал этого периода. На особый характер этих «переходных» десятилетий указал в свое время немецкий историк Райнхарт Козеллек, предложивший для этого отрезка времени термин *Sattelzeit* по ассоциации с горным хребтом. О плодотворности интенсивной работы на этом рубеже веков свидетельствует и утвердившаяся в немецкоязычной науке область исследований эпохи *um 1800* — «вокруг 1800», лаконично схватывающая сложную ситуацию на рубеже XVIII и XIX веков.

Эвристическая ценность «нахлеста» двух «долгих» XVIII и XIX веков видится мне в потенциальной двухсторонней направленности

¹⁴ К этой проблематике как в применении и интерпретации, так и просто в переводе ряда ключевых понятий, характеризующих феномены культуры и литературы XVIII века, неоднократно обращались в своих работах Рената Лахман, Мишель Эспань и Екатерина Дмитриева.

взгляда на исторические процессы и в необходимости их осмысления в динамическом поле традиций и инноваций. Осознанное присутствие двух веков, по сути, обязывает исследователя к сравнительной перспективе, ведет к выбору исследовательской позиции, не только фиксирующей конец или начало исторических феноменов, но и ставящей вопрос о взаимосвязи и последовательности политических, социальных и культурных событий и процессов.

Нетривиальный угол зрения возможен здесь и в отношении выбора новых объектов исследований, и во взгляде на ключевые феномены классического модерна и процессы модернизации. В новом свете могут предстать и такие центральные идеологемы имперской истории XIX века, как нация, монархия, православие, элиты и связанные с ними культурные практики — как тормозящие и разлагающие, так и выполняющие консолидирующие и охранительные функции в ситуациях социальных трансформаций и культурных перемен.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Вишленкова Елена Анатольевна, Сдвижков Денис Анатольевич Наш XIX век: ощущения и модели времени5

I. Начало века

Сдвижков Денис Анатольевич Изобретение XIX века.
Время как социальная идентичность 15

Хант Линн Французская революция:
нулевой градус времени 40

Парсамов Вадим Суренович Мечты о мирном XIX веке 55

Андреев Андрей Юрьевич Император Александр I и начало
нового века в семантике Священного союза (из истории
одного рождественского гимна) 73

Корчмина Елена Сергеевна Начало нового, XIX века
в русской провинции: взгляд современников 85

II. Антропология века: время поколений

Марасинова Елена Нигметовна «Век нынешний
и век минувший» (русское дворянство в литературе
первой половины XIX века и переписке второй
половины XVIII века) 97

Серых Анна Александровна XIX век как время поколений
в российской историографии рубежа XIX–XX веков 120

III. Век прогресса — век разочарования

Шенк Фритьоф Беньямин Универсальное время
versus локальные времена: железные дороги и споры
о времяисчислении в России (1870–1910-е годы) 131

Фрицше Питер Домашние истории и меланхолия прошлого .. 148

Файбышенко Виктория Юльевна Деятнадцатый —
век разочарования. Практики субъективности и раскол
исторического времени 165

Мальшиева Светлана Юрьевна «Рождение досуга»:
возникновение и эволюция понятия в XIX веке 173

IV. Век империи — век нации.

Русский XIX век и его соседи в пространстве

<i>Фабрикант Маргарита Сауловна</i> Репрезентации русского и националистического «золотого века» в белорусском горизонте ожиданий.....	189
<i>Филлафер Франц Леандер, Сурман Ян</i> Габсбургский XIX век? ..	209
<i>Ремнев Анатолий Викторович</i> «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство	229

V. Век общества / век образования

<i>Эдельман Ольга Валериановна</i> Легенда русского XIX века: декабристы	253
<i>Сабурова Татьяна Анатольевна</i> «Знаменательная и героическая» эпоха 1870-х годов: историческое воспоминание о XIX веке в мемуарах участников революционного движения.....	271
<i>Вишленкова Елена Анатольевна</i> Университетский XIX век в России: дискурсивная история	285

VI. Век истории: XIX век и его соседи во времени

<i>Ананьева Анна</i> «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории	319
<i>Катцер Николаус</i> «От начала же революции второй...» / Новый век в России.....	329
Наши авторы.....	355